

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

1886.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПЯТНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 л., № 12.

1887.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

14. Первый періодъ китайской исторіи (до императора Цинь-ши-хуанди). — Сергѣй Георгіевскій. С.-Петербургъ. Литографировано по способу Алисова. — Печатня А. Григорьева. — 1885 г. 321 стр. больш. 8^о.

Книга г. Георгіевскаго является первою попыткою пополнить существенный пробѣлъ въ нашей литературѣ по востоку — отсутствіе на русскомъ языкѣ исторіи Китая. Авторъ раздѣлилъ свое сочиненіе на шесть главъ, изъ которыхъ въ первыхъ четырехъ онъ излагаетъ собственно фактическую исторію Китая до временъ Цинь-ши хуанди, а въ двухъ послѣднихъ знакомитъ насъ съ характеромъ китайскихъ историческихъ первоисточниковъ и наконецъ сообщаетъ свой взглядъ относительно развитія внутренней жизни древняго Китайскаго народа.

Мы не знаемъ, предназначалъ ли г. Георгіевскій свой трудъ для всѣхъ вообще образованныхъ людей, или же только для специально занимающихся востокомъ и даже, пожалуй, еще специальнѣе — Китаемъ и сопредѣльными ему странами дальняго востока; но намъ кажется, что ему не удалось удовлетворить ни тѣхъ, ни другихъ. Для первыхъ изложеніе исторіи Китая въ книгѣ г. Георгіевскаго покажется неудовлетворительнымъ по своей сжатости, спутанности и, по видимому, отсутствію системы; вторые будутъ недовольны этимъ изложеніемъ за его краткость, понимаемую какъ опущеніе событій первостепенной важности, а еще болѣе за его догматичность въ повѣствованіяхъ, — особливо при передачѣ тѣхъ фактовъ, въ разсказѣ о которыхъ самые китайскіе первоисточники допускаютъ массу вариантовъ. Выражаемъ это мнѣніе вовсе не съ цѣлью уронить достоинство книги, тѣмъ болѣе, что каждому извѣстна трудность совмѣстить въ краткомъ историческомъ очеркѣ все необходимое, сохранивъ и равномѣрность частей и стройность системы. Достоинства труда г. Георгіевскаго очевидны каж-

дому, знакомому съ европейской литературой по этому предмету. Мы можемъ говорить о его краткости, указывать на опущеніе дѣйствительно весьма важныхъ событій; но тѣмъ не менѣ древняя китайская исторія изложена у г. Георгіевскаго все таки съ бѣльшею полнотою фактическаго содержанія, нежели во всѣхъ другихъ, написанныхъ на европейскихъ языкахъ исторіяхъ Китая, каковы напр. исторіи Малья, Дюгальда, Потье, Гюцлафа и др. Въ самомъ дѣлѣ, г. Георгіевскій выводитъ передъ нами гораздо большее число дѣйствующихъ лицъ и указываетъ большее число фактовъ; онъ отводитъ только меньше мѣста для изложенія хода военныхъ кампаній и битвъ, да для цитированія діалоговъ и монологовъ китайскихъ героевъ, каковыя діалоги и монологи въ большинствѣ случаевъ, конечно, вымышлены позднѣйшими китайскими историками. Словомъ, авторъ очевидно захотѣлъ совершенно отбросить весь легендарный составъ китайской исторіи и обратилъ свое вниманіе исключительно на то, чтобы тщательнѣе обработать и представить читателямъ одни лишь голые факты. Въ этой обработкѣ мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ то, что въ историческомъ изслѣдованіи г. Георгіевскаго при всѣхъ собственныхъ именахъ поставлены китайскіе іероглифы. Такой постановки нѣтъ ни въ одной изъ европейскихъ исторій Китая, хотя безъ нея не мыслимо и ясное пониманіе исторіи. Еще важнѣе то, что при каждомъ изложенномъ фактѣ у г. Георгіевскаго указаны даты, что опять таки далеко не всегда встрѣчается въ трудахъ европейцевъ. Наконецъ особенную заслугу работы нашего автора должно видѣть въ томъ, что въ ней всѣ древнія географическія названія городовъ, урочищъ и поселеній всегда указываются съ опредѣленіемъ ихъ положенія по современнымъ картамъ Китая (чего также точно мы не встрѣчаемъ, по крайней мѣрѣ съ такою выдержанностію, въ европейскихъ исторіяхъ Китая). Это приурочиваніе древнихъ мѣстностей къ современнымъ, безъ сомнѣнія, стоило автору громаднаго и кропотливаго труда и является непреложнымъ свидѣтельствомъ обширности его знаній.

При такихъ исключительныхъ достоинствахъ работы, при такой массѣ положеннаго на нее труда, еще прискорбиѣе становятся его недостатки, которые, мы не сомнѣваемся въ томъ, могли быть вполне обойдены авторомъ. Кажется въ высшей степени странною та догматичность въ изложеніи событій, которую допускаетъ въ своей книгѣ г. Георгіевскій, не смотря на то, что въ древней Китайской исторической литературѣ существуетъ масса варіацій и въ разказахъ о ходѣ событій, и во взглядахъ на ихъ обстановку, причины и значеніе. На стр. 111-й разсказывается на примѣрѣ, что, въ 602-мъ году князья Цзиньскій, Вэйскій, Сунскій, Лускій, Цаоскій и Чженскій, составили коалицію противъ Чускаго Чжуана.

Чжуанъ уклонился отъ столкновѣнія, но, не желая распускать своихъ войскъ, напалъ на удѣлъ *Шу-ляо* и покорилъ его. Авторъ очевидно слѣдуетъ въ данномъ случаѣ толкованіямъ Цзо-цю-мин'а и считаетъ *Шу-ляо* за одинъ удѣлъ. Но въдѣ у Китайцевъ есть и другія толкованія, которыя признаютъ *Шу* за одинъ удѣлъ, а *Ляо* за другой. Въ Тунъ-цзянь-ганъ-му прямо говорится, что *Шу* и *Ляо* суть названія для двухъ отдѣльныхъ княжествъ ᠰᠢᠬᠤ ᠴᠢᠩᠭᠠᠨ ᠶᠡᠭᠡᠨ ᠤᠯᠤᠰ¹⁾, причемъ *Ляо* полагается, какъ и значится у г. Георгіевскаго, въ уѣздѣ Лу-цзянь, департамента Лу-чжоу-фу; а *Шу* лежало якобы къ сѣверу отсюда; сообщается также, что оба эти княжества были родственны удѣлу Лю. Спрашивается теперь, отчего же авторъ вѣрить Цзо-цю-мин'у и отвергаетъ толкованія другихъ? Объяснить это было бы вполне необходимо тѣмъ больше, что эти вторыя толкованія кажутся гораздо правдоподобнѣе, ибо они послѣдовательнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можно объяснить, руководствуясь Цзо-цю-мин'омъ, то обстоятельство, по которому Чжуанъ направился именно на *Шу-ляо*, а не въ какую либо другую сторону? А по толкованіямъ Ганъ-му оно выходитъ очень просто. Дѣло въ томъ, что Чускій князь не задолго передъ симъ подчинилъ себѣ удѣлъ *Лю*, и что же было для него естественнѣе, какъ не dokonчить сполна это подчиненіе присоединеніемъ и родственниковъ *Лю* удѣловъ?

Мы взяли этотъ примѣръ главнымъ образомъ въ силу того, что въ немъ ясно можно видѣть, откуда именно заимствовалъ свои свѣдѣнія авторъ; въ другихъ частяхъ книги добраться до этого довольно трудно, такъ какъ г. Георгіевскій, хотя и указалъ вообще на сочиненія, служившія ему источниками, однако же нигдѣ не ставитъ цитатъ, обозначающихъ откуда именно беретъ онъ извѣстіе о томъ или другомъ событіи. Само собою разумѣется, что этотъ способъ изданія совершенно мѣшаетъ возможности прослѣдить, справедливо ли наконецъ передаетъ книга г. Георгіевскаго извѣстія источниковъ, на основаніи которыхъ она составлена.

Это, по нашему мнѣнію, два основные и одинаково проходящіе чрезъ всю книгу недостатки. Въ частности разсмотрѣнный г. Георгіевскимъ періодъ китайской исторіи долженъ быть раздѣленъ на двѣ части, изъ коихъ первая — отъ временъ мірозданія и эпохи перваго человѣка на землѣ до временъ Чжоуской династіи — должна быть названа легендарною; а вторая — отъ первыхъ императоровъ Чжоуской династіи до Цинь-ши-хуанди, — можетъ почитаться историческою, ибо сказанія о событіяхъ, входящихъ въ со-

1) Тунъ-цзянь-ганъ-му. Цз. 18-я Л. 6-й толков. Ду-ши.

ставъ ея, въ большей своей части обосновываются на памятникахъ, современныхъ самымъ событіямъ, или, по крайней мѣрѣ, близкихъ ко временамъ событій.

Авторъ признаетъ самъ, что онъ до минимума сократилъ рассказы объ этомъ первомъ, легендарномъ періодѣ. Это конечно не было бы важно, если бы самое сокращеніе было произведено не въ ущербъ дѣлу; но мы не можемъ не замѣтить, что сокращенія, произведенныя авторомъ, отозвались весьма невыгодно и для дѣла послѣдующихъ изысканій, и наконецъ въ самомъ изложеніи книги Изъ легендъ вполнѣ осмысленныхъ и разумныхъ сообщаются какіе-то коротенькіе отрывки, въ силу чего и самыя легенды не могутъ уже уяснить реальную сущность дѣла, а представляются жалкими рассказами о незаслуживающихъ никакого вниманія чудесахъ. На стр. 13-й рассказывается напр., что Хуанъ-ди, вступивъ на престолъ, повелъ войну противъ мятежника Чи-ю. «При Чжоу-лу должна была произойти битва. Дѣйствуя чарами, Чи-ю покрылъ землю столь густымъ туманомъ, что начальники отдѣльныхъ частей Хуандіевой арміи не въ состояніи были опредѣлять мѣстоположенія и двигались, сами не зная куда. Чтобы имѣть возможность ориентироваться, *Хуанъ-ди устроилъ колесницу, которая сама собою направлялась на югъ*... и эта колесница помогла ему правильно распоряжаться движеніемъ войскъ. Незвѣстно, откуда заимствовалъ авторъ этотъ рассказъ, ибо цитатъ у него, по обычаю, не поставлено; но что же можно вывести изъ такой побасенки, которая весь ходъ дѣла приписываетъ какой то баснословной, чудесной колесницѣ? Между тѣмъ, стоитъ рассмотреть это преданіе по другимъ, болѣе подробнымъ рассказамъ и окажется, что дѣло тутъ вовсе не въ колесницѣ. Яснѣе, — по этимъ рассказамъ видно, что въ колесницѣ Хуанъ-ди стояла чаша, на вершинѣ которой были начертаны іероглифы крысы и лошади. Подъ этими іероглифами находилась игла, показывающая четыре главныя страны свѣта, что и давало Хуанъ-ди возможность направлять свои войска въ потребную сторону. Не трудно догадаться, какой имѣетъ смыслъ это преданіе. Оно свидѣтельствуетъ намъ, что уже во времена Хуанъ-ди Китайцы имѣли понятіе о компасѣ, или по крайней мѣрѣ о магнитной матеріи. При этомъ я не только не настаиваю, но даже не хочу говорить о дѣйствительномъ существованіи Хуанъ-ди; важно для насъ только извѣстіе о ходѣ развитія знаній въ Китаѣ.

Вообще въ разсужденіи о легендахъ мы совершенно согласны съ замѣчаніемъ автора на 229-й стр. его труда, что «баснословія не могутъ еще откидываться какъ негодный для исторіи матеріалъ только потому, что они имѣютъ форму баснословій»; оттого и думаемъ, что ему совершенно излишне

было оправдываться въ томъ, что онъ началъ изложеніе исторіи Китая за три милліона лѣтъ (стр. 201). Что пзъ того, что въ сказаніяхъ встрѣчаются чудеса и несообразности, что легенды въ разсказѣ и жизни различныхъ государей, по видимому, повторяютъ одиѣ и тѣ же событія? Все дѣло въ томъ, какъ излагать легенды и какъ ихъ разсматривать. Нѣтъ сомнѣнія, что если говорить такъ кратко, какъ это дѣлаетъ г. Георгіевскій, то толку отъ легендъ добиться трудно. Различные государи научаютъ людей пользоваться огнемъ, строить жилища, шить одежду и пр. Фу-си полагаетъ начало земледѣлію и Шэнъ-нунъ полагаетъ начало земледѣлію. При Хуанъ-ди изобрѣтается музыка и при Шао-хао изобрѣтается музыка (этотъ послѣдній фактъ у г. Георгіевскаго совсѣмъ опущенъ). Все это такъ, да какая музыка изобрѣтается при Хуанъ-ди и какая при Шао-хао? При Хуанъ-ди, какъ говорится въ сочиненіи на стр. 15-й, Юнь-юань (собственно Жунъ-юань, ибо іероглифъ 榮 въ этомъ собственномъ имени читается *жунъ*, а не *юнъ*) изобрѣлъ 12 гармоническихъ колоколовъ и тогда добавляетъ Тунъ-цзянь-ганъ-му, «пять тоновъ были приведены въ согласіе». При Шао-хао была изобрѣтена музыка, которую намѣчали по теченію планетъ, приписывая особый тонъ каждой. Очень можетъ быть, что это та самая музыка, которая была извѣстна у Египтянъ и очевидно, что это не изобрѣтенія, а совершенствованія, прослѣдить и изучить которыя было бы весьма поучительно ради познанія законовъ человѣческаго развитія вообще.

Далѣе краткость въ изложеніи событій того же легендарнаго періода ведетъ автора и къ заключеніямъ, какъ кажется, не совсѣмъ то правильнымъ, или по крайней мѣрѣ одностороннимъ и не полнымъ. Напр. на стр. 32-й говорится, что преемникъ Юя «Ци созвалъ владѣтельныхъ лицъ имперіи и правителей областей на сеймъ въ столицу. Владѣтель мѣстности Ху неявился по приглашенію государя и открыто сдѣлался мятежникомъ». Спрашивается, зачѣмъ былъ этотъ сеймъ, чѣмъ онъ былъ вызванъ и о чемъ на немъ разсуждали? Въ чемъ состоялъ мятежъ владѣтеля Ху? Въ томъ ли, что по призыву своего государя онъ не явился въ столицу, или въ чемъ другомъ? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ нѣтъ отвѣта, а между тѣмъ они представляютъ собою большую важность. Дѣло въ томъ, что Ци былъ первымъ изъ императоровъ, вступившимъ на китайскій престолъ не по выбору, а преемствуя это званіе отъ своего отца. По Тунъ-цзянь-ганъ-му сообщается, что «въ третьемъ году своего правленія Ци долженъ былъ вести войну съ фамиліей Ху, которая настаивала на томъ, чтобы не пресѣкать древняго обычая избранія на императорскій престолъ. Императоръ одержалъ побѣду и съ этого времени избирательныя права удѣльныхъ

князей совершенно пресѣклись. Отсюда надо выводить то, что наследственность императорскаго званія не была у Китайцевъ слѣдствіемъ естественнаго хода событій, что государи перестали быть избирательными не потому что въ ту пору не было уже нужды въ полководцахъ и людяхъ съ личнымъ дарованіемъ, какъ утверждаетъ то авторъ на стр. 270-й, а что эта наследственность была приобрѣтена сильнымъ княжескимъ родомъ путемъ борьбы. Не слѣдуетъ забывать, что при Тай-канѣ, сынѣ Ци, *И*, князь удѣла Цюнь, дѣлалъ попытку возвести на престолъ брата Тай-канова—Чжунъ-кана, безъ сомнѣнія, съ тою цѣлью, чтобы потомъ самому овладѣть престоломъ. При слабоумномъ Чжунъ-канѣ онъ и дѣйствительно добивался этого и произвелъ смуты. Слѣдовательно, на императорскій престолъ смотрѣли въ ту, переходную пору какъ на достояніе сильнаго.

Обращаясь къ изложенію въ книгѣ г. Георгіевскаго періода Чжоуской династіи, мы замѣчаемъ здѣсь краткость не только въ развитіи разсказа, но и въ полномъ опущеніи событій и событій первостепенной важности. Возьмемъ для примѣра со стр. 79-й царствованіе Ли-вана. За все время его 36 лѣтняго правленія г. Георгіевскій, упомянувъ о походахъ на инородцевъ, говоритъ только о томъ, что объятый корыстолюбіемъ Ли-ванъ поставилъ Юнь-и-гуна смотрителемъ своего дворца, что Юнь-и-гунъ самыми непопозволительными средствами вымогалъ у народа деньги и послѣдній возронталъ и рѣшился силою добиваться освобожденія отъ его притѣсненій. Но все это были вѣдь домашніе дрязги удѣла Чжоу, а что же дѣлалось въ это время съ цѣлымъ Китаемъ въ его другихъ удѣльныхъ княжествахъ? На это нѣтъ никакого отвѣта, хотя пора эта была временемъ, когда совершились громадныя событія. Такъ въ 12-мъ году правленія Ли-вана въ удѣлѣ *Вэй* сдѣлался княземъ Цинъ-хоу, который ввелъ у себя свое лѣтосчисленіе. Въ 14-мъ году въ удѣлѣ Цао возшелъ на престолъ *Си*, который также ввелъ у себя свое лѣтосчисленіе; за симъ точно такія же перемѣны произошли во владѣніяхъ Ци, Сунъ, Цзинь, Цинь и Чу. Вѣдь это извѣстно, что введеніе своего лѣтосчисленія и непризнаніе государственнаго календаря въ Китаѣ равносильно непризнанію власти; такимъ образомъ отказавшись признавать лѣтосчисленіе, помянутые удѣлы объявили себя самостоятельными. Въ силу пропусковъ такого рода событій по г. Георгіевскому невозможно и опредѣлить, съ какого же времени начинать падать въ Китаѣ династія Чжоу во первыхъ, а во вторыхъ по тѣмъ же причинамъ у автора являются подъ часъ и не совѣмъ вѣрныя толкованія. Такъ:

На стр. 105 заявляется, что въ 622-мъ году Цинь'скій князь «Му напалъ на удѣлъ *Жо* и положилъ конецъ его самостоятельному существованію». Но какова была исторія этого удѣла г. Георгіевскій не выясняетъ;

хотя у Цзо-цю-мина онъ могъ найти, что удѣлъ Жо первоначально былъ въ зависимости отъ удѣла Чу, затѣмъ взбунтовался и передался на сторону Цинь. У Цинь'цевъ Жо'спамъ опять таки не пожилось и они снова переходятъ подъ протекторатъ Чу. Въ 622-мъ году «князь Му вошелъ въ Жо», то есть занялъ его обратно, а не положилъ конецъ его самостоятельному существованію. Жо, очевидно, и до сего времени никогда не существовалъ самостоятельно. И на такихъ то свѣдѣніяхъ г. Георгіевскій обосновалъ цѣлую теорію происхожденія и уничтоженія мелкихъ удѣловъ, схему поглощенія которыхъ сильнѣйшими и изложилъ на стр. 249—255.

Мы думаемъ, что большинство такого рода взглядовъ составилось у г. Георгіевскаго отъ того, что онъ придавалъ слишкомъ много значенія и вѣры китайскимъ толкователямъ исторіи, въ ущербъ довѣрію къ дѣйствительнымъ историческимъ первоисточникамъ. Это пристрастіе его къ толкователямъ несомнѣнно, а иначе мы совершенно не можемъ объяснить, какимъ образомъ въ самомъ изложеніи хода событій въ книгѣ г. Георгіевскаго замѣчается большая путаница. Беремъ для примѣра со стр. 97—98 изложеніе событій 656—652 гг.

«Въ 656-мъ году Ци'скій Хуань собралъ князей удѣловъ Сунь, Лу, Чэнь, Вэй, Чжэнъ, Сюй и Цао на сеймъ въ мѣстечко Шоу-чжи и провозгласилъ Сяна преемникомъ императора.

Въ 654 году Ци'скій Хуань собралъ князей тѣхъ же удѣловъ вторично на сеймъ въ Тао и здѣсь съ согласія государя, представителемъ котораго явился одинъ изъ придворныхъ чиновниковъ, было утверждено рѣшеніе перваго сейма и закрѣплено клятвою. Такъ какъ Чжэнскій князь удалился съ сейма, не заключивъ клятвы, то Ци'скій Хуань съ войсками удѣловъ Лу, Сунь, Чэнь, Вэй и Цао сдѣлалъ вторженіе въ удѣлъ Чжэнъ и осадилъ городъ Синь-чэнь. Вскорѣ осада была снята, потому что Чжэнскій князь не находилъ нужнымъ сопротивляться и указалъ обстоятельства, оправдывавшія его образъ дѣйствій.

Послѣ этого въ 653-мъ году въ мѣстечкѣ Нинь-у, еще разъ былъ заключенъ клятвенный договоръ между князьями Ци'скимъ, Лу'скимъ, Чэньскимъ (Куанемъ, сыномъ князя правителя) и Чжэнскимъ (Хуа, сыномъ князя правителя)».

Неоспоримо, конечно, что первымъ и несомнѣннымъ источникомъ для всего этого періода должно быть признано китайское лѣтописное сочиненіе Чунь-цю (春秋) и вотъ подлинная выписка того мѣста изъ этого сочиненія, которое излагаетъ ходъ представленныхъ событій, въ текстѣ и дословномъ его переводѣ.

陳	齊	八	于	公	七	侯	六	伯	秋	于	鄭	公	五
世	侯	年	甯	陳	年	衛	年	洮	八	首	伯	及	年
子	宋	春	毋	世	秋	侯	夏	歸	月	止	許	齊	夏
欵	公	王		子	七	曹	公	不	諸		男	侯	
盟	衛	正		欵	月	伯	會	盟	侯		曹	宋	
于	侯	月		鄭	公	低	齊	于	盟		伯	公	
洮	許	公		世	會	鄭	侯	首	于		會	陳	
鄭	男	會		子	齊	圍	宋	止	首		王	侯	
伯	曹	王		華	侯	新	公	鄭	止		世	衛	
乞	伯	人		盟	宋	域	陳		鄭		子	侯	
盟													

Это значить: 5-й годъ. Лѣто. Гунъ, Ци'скій хоу, Сунскій гунъ, Чэньскій хоу, Вэйскій хоу, Чжэнскій бо, Сюйскій пань и Цао'скій бо съѣхались съ наслѣдникомъ императора въ Шоу чжи.

Осень. 8-я луна. Удѣльные князья заключили клятву въ Шоу-чжи. Чжэнскій бо удалился (съ сейма) не заключивъ клятвы. (Такъ какъ 5-й годъ правленія Си-гунъ соотвѣтствуетъ 655-му году до Р. Х., то слѣдовательно и княжескій сеймъ въ Шоу-чжи былъ въ 655-мъ, а не въ 656-мъ году, — это во первыхъ; а во вторыхъ съ этого же сейма въ Шоу-чжи ушелъ и Чжэнскій князь, а не съ сейма въ Тао 654-го года; такового сейма, какъ мы увидѣмъ, никогда и не бывало).

6-й годъ (654). Лѣто. Гунъ, соединившись съ Ци'скимъ хоу, Сунскимъ гуномъ, Чэньскимъ хоу Вэйскимъ хоу, и Цао'скимъ бо, отправился войною на Чжэнъ и осадилъ Синь-чэнъ.

7-й годъ (653). Осень. 7-я луна. Гунъ, съѣхавшись съ Ци'скимъ хоу, Сунскимъ гуномъ, Чэньскимъ наслѣднымъ принцемъ Куань и Чжэнскимъ наслѣднымъ принцемъ Хуа, заключилъ (съ ними) клятву въ Нинъ-у. (Такимъ образомъ хотя дата г. Георгіевскаго относительно сейма въ Нинъ-у и совпадаетъ съ датою Чунъ-цю, но самыя событія у него все таки перепутаны. Нинъ-у'скій сеймъ былъ до времени окончанія войны съ Чжэньцами, а не тогда, когда осада съ города Синь-чэнъ была снята. Тунъ-цзянь-ганъ-му говорить объ этомъ болѣе подробно и сообщаетъ, что присутствовавшіе на сеймѣ въ Нинъ-у князья, именно указывая на бѣдствія войны и города Синь-чэна, убѣждали Чжэн'скаго наслѣдника не упорствовать. Тотъ согласился отъ имени отца и договоръ о прекращенія военныхъ дѣйствій былъ заключенъ).

8-й годъ (652). Весна. Первая луна Вана. Гунь, съѣхавшись съ посломъ Вана, Ци'скимъ хоу, Сунскимъ гун'омъ, Вэйскимъ хоу, Сюйскимъ нань, Цао'скимъ бо и Чэньскимъ наслѣднымъ принцемъ Куань, заключилъ (съ ними) клятву въ Тао. Чжэнскій бо просилъ клятвы». (Очевидно, что сеймъ въ Тао былъ позже сейма въ Нянъ-у, а не раньше его, какъ говорить г. Георгіевскій, и что на этомъ сеймѣ въ Тао, Чжэнскій бо именно и примирился съ требованіями князей, а не заявилъ на немъ впервые о своемъ нежеланіи подчиниться этимъ требованіямъ. Тунъ-цзянь-ганъ-му добавляетъ при этомъ, что Чжэнскій бо просилъ клятвы на сеймѣ въ Тао именно потому, что онъ не заключилъ этой клятвы въ Шоу-чжи, а между тѣмъ теперь эта клятва была болѣе чѣмъ когда либо необходима. На сеймѣ въ Тао Сянъ-ванъ 襄王 былъ объявленъ императоромъ, а по умершемъ императорѣ Хуй-ванѣ 惠王 былъ объявленъ трауръ. Это послѣднее извѣстіе толкователей довольно подозрительно, такъ какъ по другимъ памятникамъ оказывается, что сеймъ въ Тао былъ въ 1-й лунѣ 652 года, а Хуй-ванъ умеръ только въ 12-й лунѣ того же года. Г. Георгіевскій не выясняетъ этихъ противорѣчій и просто говоритъ, что императоръ Хуй-ванъ умеръ въ 652-мъ году).

Здѣсь наталкиваемся мы еще на ту особенность въ изданіи г. Георгіевскаго, что всѣхъ китайскихъ императоровъ и владѣтельныхъ князей онъ называетъ въ своемъ сочиненіи не иначе какъ ихъ посмертными именами. Для пониманія исторіи это конечно безразлично, но на ряду съ симъ получаютъ иногда курьзныя вещи. Такъ, на стр. 102-й, въ разсказѣ о приглашеніи Цзинь'цами Чунь-эрл'а, авторъ говоритъ, что, получивъ это приглашеніе, «Чунь эрлъ охотно согласился, прибылъ въ цзиньскую столицу и, усвоивъ себѣ имя Вэнь, занялъ въ 634-мъ году престолъ своего отца». Но вѣдь Вэнь есть посмертное имя Чунь-эрл'а, которое было дано ему только въ 628-мъ году, послѣ его смерти и, по толкованію Цзо-цю-мин'а, за то, что онъ былъ человѣколюбивъ, дѣятеленъ и мудро правилъ своимъ государствомъ. Какимъ же это образомъ самъ-то Чунь-эрлъ въ 634-мъ году усвоилъ себѣ имя Вэнь?!

Не смотря на такого рода промахи, работа г. Георгіевскаго представляетъ отраднѣйшее явленіе русской литературы по востоку. Авторъ вполне доказалъ ею свое обширное знакомство съ европейской литературой по избранному имъ предмету изслѣдованія, но самое это изслѣдованіе онъ несомнѣнно произвелъ на основаніи многотомныхъ, историческихъ памятниковъ китайскихъ. Мы говорили уже, что полнотою фактическаго содержанія трудъ г. Георгіевскаго, въ изложенномъ имъ періодѣ, превосходитъ всѣ другія, написанныя на европейскихъ языкахъ исторіи Китая; но за

симъ онъ не ограничивается еще однимъ изложеніемъ фактовъ. Въ V главѣ своего труда г. Георгіевскій указалъ намъ характеръ китайскихъ историческихъ первоисточниковъ и выяснилъ способы пользованія ими для европейца-историка, желающаго излагать фактическую исторію древняго Китая. Здѣсь же, и при томъ единственно въ разсматриваемомъ трудѣ, приведены въ систематическомъ видѣ воззрѣнія на древнюю исторію Китая знаменитѣйшихъ европейскихъ сиологовъ. Въ VI главѣ своей книги г. Георгіевскій представляетъ намъ собственныя воззрѣнія на жизнь древняго Китая: указываетъ первоисходные пункты, путь и завершеніе развитія всѣхъ сторонъ внутренней жизни китайскаго народа. Совершенно оригинальный взглядъ его состоитъ въ томъ, что въ первый періодъ китайской исторіи совершался двоякій процессъ: единство (въ отношеніи этнографическомъ, лингвистическомъ, матеріально-культурномъ, территориально-административномъ въ отношеніи государственнаго строя, формъ внутренне-политической жизни народа, религій, нравственности, письменности, философскаго мышленія) постепенно переходило въ многообразіе, а это послѣднее возводилось опять къ единству (но съ инымъ содержаніемъ).

А. Позднѣвъ.

15. Русско-калмыцкій словарь, составленъ по приказанію главнаго попечителя Калмыцкаго народа. Астрахань. 1885. 120 стр. въ 32^о.

Книжечка съ такимъ, дышащимъ канцелярщиною заглавіемъ, тѣмъ не менѣе представляетъ собою высокій интересъ для филологической науки. По объему она заключаетъ въ себѣ всего только 120 стр. въ 32-ю долю листа. Составитель ея, несомнѣнно, какойнибудь калмыкъ, служащій переводчикомъ при Главномъ управленіи Калмыцкаго народа въ Астрахани и очевидно человѣкъ съ самымъ ограниченнымъ европейскимъ образованіемъ. При такихъ условіяхъ намъ нечего ожидать отъ его словаря полноты и опредѣленности. Какъ словарь, книжечка имѣетъ въ себѣ гораздо больше недостатковъ, чѣмъ достоинствъ, и первымъ изъ этихъ недостатковъ должно считать то, что расположеніе словъ предложено въ ней не по алфавиту, какъ это принято во всѣхъ европейскихъ словаряхъ, а по порядку предметовъ; отъ этого не только многія слова, подверженныя различному толкованію, повторяются, смотря по ихъ значенію, въ различныхъ отдѣлахъ, но часто одно и тоже слово попадаетъ вдвойнѣ подъ разными грамматическими формами; такъ напр. глаголы въ формѣ причастія буд. врем.